

Цветок пустыни

Автор:

Барбара Картленд

Цветок пустыни

Барбара Картленд

Юная Вита, стремясь избежать ненавистного брака, бежит в Сирию к своей тете, вышедшей замуж за арабского шейха. По пути девушку захватывает в плен непредсказуемый, таинственный шейх Шаалан. Несмотря на вспыхнувшую страсть, соединить таких разных людей может лишь чудо. И это чудо происходит.

Барбара Картленд

Цветок пустыни

Глава первая

1870 год

- Нет, папа! Я не могу выйти замуж за лорда Бэнтама!

Вита говорила очень решительно, но ее отец, генерал сэр Джордж Эшфорд, отвечал не менее категорично:

– Понимаю, что его предложение явилось для тебя неожиданностью, Вита, но и твоя мать, и я считаем, что лорд Бэнтам, вне всякого сомнения, самая подходящая для тебя партия.

– Но он ведь такой старый, папа! Я никогда даже не подозревала, что интересую его!

– Бэнтам – мой друг, и я могу сказать о нем только хорошее, – с гордостью заявил генерал. – Он человек старой закваски и обладает чувством собственного достоинства, которое так редко можно встретить у современных молодых людей, и, в отличие от них, не выставляет напоказ свои чувства. Тем не менее, он любит тебя и хочет на тебе жениться.

– Но это же просто нелепо! Он слишком стар для меня!

Не успев произнести эти слова, Вита уже поняла, что совершила непростительную ошибку. Ведь ее отцу через пару лет должно было исполниться шестьдесят, и в его глазах сорокапятилетний лорд был еще сравнительно молод.

Ей же сама мысль о замужестве с таким солидным мужчиной казалась отвратительной. Конечно, Вите уже пора было задумываться об этом, и уже несколько весьма привлекательных мужчин предлагали ей руку и свое сердце.

То, что большинство из претендентов были отвергнуты ее отцом, который видел в них только охотников за приданым, ничуть не смущало девушку.

Ей было восемнадцать, и, отвергая одного за другим претендентов на свою руку, она говорила себе, что у нее еще много времени впереди и она обязательно встретит того единственного, который станет ее мужем и возлюбленным.

В том, что Вита не спешила замуж, не было ничего удивительного. Девушка была так красива, что могла вскружить голову любому мужчине, с которым знакомилась.

Вита обладала совершенными чертами лица, густыми длинными волосами цвета золотистого меда и темно-голубыми глазами. Осененные густыми ресницами,

они казались фиалковыми, когда девушка сердилась или была чем-то огорчена. Ее кожа спорила белизной с лепестками лилии, а щеки своим нежным розоватым тоном могли сравниться только с дикой розой.

Но еще более, чем ее несравненная красота, мужчин привлекал веселый, живой нрав девушки. Нельзя было пробыть в ее обществе и нескольких минут, чтобы не подпасть под очарование ее непосредственной, искренней натуры. Ее прекрасные глаза так и светились лукавством и добрым юмором, она умела радоваться жизни, любила шутки, и то и дело в ответ на остроумные замечания раздавался серебристым колокольчиком ее веселый заразительный смех.

Ни одно имя не могло подойти ей больше, чем то, которым нарек ее отец при рождении.

Генерал Джордж Эшфорд ожидал сына. В этом он ничем не отличался от большинства английских отцов, которые хотели, чтобы их первенцы были сыновьями и наследниками.

Однако леди Эшфорд едва не потеряла жизнь, производя на свет Виту. И был момент, когда врач сообщил сэру Джорджу, что ему скорее всего не удастся спасти жизнь матери, а возможно, и ребенку.

И когда генерал, наконец, взглянул на свою дочь, едва не задохнувшуюся при родах, он испытал огромное облегчение, так как они обе были живы – его жена и его дочь.

– Девочка, сэр Джордж! – воскликнул доктор преувеличенно бодрым тоном. Он знал, что обычно именно докторов обвиняли и проклинали, когда вместо ожидаемого наследника они объявляли о рождении дочери.

– Я и сам это вижу, – бросил генерал.

– Интересно знать, как вы думаете назвать девочку, – продолжал врач. – Ей, видимо, самой судьбой назначено было выжить, хотя все было против нее.

– Что ж, тогда ее следует назвать Вита, что значит жизнь! – воскликнул генерал, проявив остроумие, которым он так славился среди своих друзей.

Они с женой перебрали множество самых славных имен, выбирая имя для своего сына-первенца.

Рождение девочки привело их в замешательство, словно они совершенно не допускали такой возможности. Когда леди Эшфорд окрепла настолько, что могла спорить с мужем, она долго доказывала, что его решение дать их дочери такое нелепое имя просто абсурдно.

Однако со свойственной ему твердостью, которая принесла ему столь высокий чин и уважение в армии, генерал настоял на своем решении. Он уже дал имя их дочери и не намерен обсуждать это.

Когда подошло время крестин, леди Эшфорд добавила имена Гермiona, Элис, Хелен к имени своей дочери. Однако имя Вита, тем не менее, осталось первым, и с каждым годом становилось все более ясно, что оно подходит ей как нельзя лучше.

И вот теперь, стоя в гостиной Эшфорд-хауза в Лестершире, Вита казалась своему отцу необыкновенно прелестной, может быть, благодаря тому, что ее прекрасные глаза, обращенные к нему, пылали гневом.

Сколько девушка себя помнила, отец всегда ее баловал, но она прекрасно знала, как он упрям. Сама Вита, чего уж греха таить, была упряма не меньше его. Однако теперь ей будет очень трудно противиться его воле, раз уж он вбил себе в голову, что она должна выйти замуж за лорда Бэнтама.

Вите частенько удавалось, как любила говорить ее мать, обвести отца вокруг своего маленького хорошенького пальчика. Но иногда, особенно в тех случаях, когда тот был уверен, что действует ради ее же блага, это оказывалось, на удивление, трудно. И сейчас был именно такой случай.

Девушка не могла понять, почему то обстоятельство, что лорд Бэнтам интересуется ею, до сих пор оставалось для нее тайной. Однако, поразмыслив немного, решила, что все дело, наверное, в том, что лорд Бэнтам был для нее прежде всего старым другом отца. Она привыкла к нему и не обращала внимания на проявление интереса к ее персоне, а ведь в других случаях Вита безошибочно могла угадать, что тот или иной мужчина обязательно признается в любви, причем еще задолго до того, как он сам решится на это.

Ей не было нужды выслушивать все то, что отец сейчас говорил ей. Она и так знала: в качестве мужа для их дочери лорд Бэнтам – лучшая кандидатура в глазах ее родителей.

В обществе, к которому принадлежали Эшфорды, незамужняя девушка из хорошей семьи всегда становилась источником бесконечных спекуляций и интриг до тех пор, пока не была благополучно сосватана.

Вита прекрасно понимала, причем еще до того, как покинула классную комнату, что она не только красива, но и богата, и это еще больше повысило ее самомнение.

Так как Вита с самого детства слыла умелой наездницей, ей уже в восемь лет позволили принимать участие в охоте, которую часто устраивали самые знатные и влиятельные аристократы Лестершира, и благодаря своей храбрости и твердому характеру девочка стала всеобщей любимицей.

Ее отца, прекрасного наездника и азартного охотника, искренне забавляло и радовало, что, не имея сына и наследника, он мог брать с собой на охоту свою маленькую дочь, которая почти всегда возвращалась с охотничьими трофеями.

Такая свобода не могла не принести свои плоды, и к тому времени, как Вите исполнилось пятнадцать, она оказалась не по годам развитой и умудренной опытом, который ее ровесницы вряд ли могли приобрести в своих классных комнатах.

Благодаря своей очаровательной внешности, изящной фигурке, широко расставленным невинным глазам и тонкому, с легкой горбинкой, носу, Вита казалась необыкновенно прелестным ребенком. Она привыкла к тому, что все ею любовались, восхищались и чрезмерно баловали.

И только когда ей исполнилось семнадцать и состоялся ее первый официальный выход в свет, женщины вдруг увидели в ней свою соперницу и стали косо на нее поглядывать, прекрасно понимая, что у них слишком мало шансов выиграть в сравнении с таким совершенством.

Вита была слишком умна, чтобы не понимать, что ее отец и мать не находят себе покоя из-за всех этих многочисленных мужчин, которые вились вокруг нее, подобно пчелам над распустившимся благоухающим цветком.

Родители, без сомнения, были уверены, что лучше всего устроить ее брак с человеком, которому они могли бы полностью доверять и который смог бы защитить ее от множества опасностей, подстерегающих такое прелестное, очаровательное создание.

То, что они, в конце концов, выбрали ей в мужа лорда Бэнтама, привело Виту в неопиcуемый ужас. Хотя она не могла не признать, что у родителей были весьма веские основания для такого выбора.

Лорд Бэнтам слыл одним из самых богатых людей Англии, и в то же время это был весьма выдающийся во всех отношениях человек.

Его нельзя было встретить среди тех бездельников из самых высших слоев общества, которые своими экстравагантными, фривольными выходками приводили в ужас Ее Королевское Высочество.

Он был известен как один из самых надежных столпов государства, член палаты лордов, человек, к чьему мнению прислушивалась сама королева.

Желая применить свои блестящие знания и незаурядный ум на благо страны, лорд Бэнтам не раз предлагал себя – и, разумеется, был избран – в различные организации, ассоциации и комитеты, имеющие отношение к сохранению уклада старой сельскохозяйственной Англии.

В поместьях, занимающих обширные территории, царил образцовый порядок.

Разумеется, в качестве удачной партии для замужества лорд Бэнтам не имел себе равных. Однако как мужчина...

Вита даже содрогнулась при мысли об этом.

Она подняла глаза и снова посмотрела на жесткие непреклонные линии отцовского лица. В молодости сэр Джордж был на редкость красив, да и сейчас

он, без сомнения, мог считаться весьма привлекательным мужчиной.

Вита взглянула на свою мать и по виноватому выражению ее глаз сразу же поняла, что та поддерживает решение отца и что с этой стороны помощи ждать не приходится.

«Мне придется самой разбираться с этим», – сказала сама себе Вита. Она и на секунду не могла допустить мысли, что станет женой этого человека.

– Бэнтам обеспечит тебя всем, что тебе необходимо в жизни, – продолжал убеждать ее отец. – Ты станешь одной из первых леди в свете и хозяйкой одного из самых великолепных домов в Лондоне. Лорд Бэнтам всегда мечтал о хозяйке, которая могла бы устраивать в его доме роскошные приемы. А кроме того, у него самая великолепная конюшня, его рысаки не имеют себе равных!

Джордж Эшфорд знал, что подобное известие не могло оставить равнодушной его дочь.

У генерала было несколько скаковых лошадей, однако в основном он занимался лошадьми, которые годились бы для зимней охоты, которую так любил он сам и его дочь.

Это не значит, что он не увлекался бегами. Вита частенько сопровождала отца на скачки в Ньюмаркете и Эпсоме, а в прошлом году, когда состоялся ее первый официальный выход в свет, она присутствовала в Аскоте на скачках и была приглашена вместе с отцом на королевскую трибуну.

И нет никакого сомнения в том, что среди собравшихся на зеленых газонах лучших представителей английского высшего света юная красавица привлекала к себе внимание, ничуть не меньшее, чем фавориты скачек.

Лорд Бэнтам в тот раз выиграл золотой кубок, и генерал, поставивший на его рысака, выиграл довольно большую сумму, чем был весьма доволен.

Джордж Эшфорд в сопровождении дочери подошел поздравить лорда Бэнтама, и сейчас, вспоминая об этом, Вита с некоторым опозданием сообразила, что в тот раз он задержал ее руку гораздо дольше, чем того требовали приличия.

Впрочем, для Виты здесь не было ничего необычного. Все мужчины без исключения вели себя подобным образом, когда им представлялся подобный шанс. Бывало, замороженные ее красотой, смотрели ей в глаза, порой не в силах произнести ни слова.

Лорд Бэнтам вел себя совсем иначе. Вита не могла припомнить в его поведении ничего странного, разве что иногда он смотрел на нее слишком пристально.

Среди друзей ее отца было немало остроумных, интересных людей. Они наперебой ухаживали за ней, поддразнивали и состязались в красноречии, восхваляя ее красоту и очарование.

Лорд Бэнтам никак не выказывал своего к ней отношения, разве что часто смотрел на нее, а девушка всегда была слишком занята теми, кто более пылко проявлял свои чувства, чтобы обращать на него внимание.

– А какие великолепные фамильные бриллианты у Бэнтама, – неожиданно вступила в разговор леди Эшфорд. – Я помню, как однажды видела их на матери лорда Бэнтама – на балу в королевском дворце. Она буквально была ими усыпана с головы до ног. Эти бриллианты превосходили по красоте даже те, что были на королеве!

– У Виты сейчас нет никакой необходимости усыпать себя драгоценностями, – довольно резко возразил генерал. – Но, конечно, когда она станет старше, то найдет, что они весьма не лишнее дополнение к женской красоте.

«Родители пытаются оказать на меня давление, – поняла Вита, – хотят загнать в угол, лишь бы добиться моего согласия».

Вите пришлось приложить усилия, чтобы изобразить на лице улыбку.

– Ты застал меня врасплох, папочка! – произнесла она мягко. – Пожалуйста, позволь мне немного подумать об этом столь неожиданном предложении. Я бы хотела о многом поговорить с тобой... чтобы ты мне объяснил...

Вита знала, что подобные просьбы действуют на ее отца безотказно, и действительно, заглянув ему в лицо, увидела, как смягчилось его выражение и в

глазах засветилась нежность.

Генерал обнял дочь за плечи и притянул к себе.

– Ты ведь знаешь, дитя мое, – ласково произнес он, – все, чего я хочу, это видеть тебя счастливой, а также, чтобы ты заняла достойное тебя место в обществе.

Прежде чем продолжить, он взглянул на жену, словно ища поддержки.

– Мы стареем, твоя мама и я, и нас очень беспокоит, что в случае нашей смерти ты останешься совсем одна и тебя некому будет защитить.

Он подавил тяжелый вздох.

– А кроме всего прочего, ты очень богатая девушка. Я иногда даже сожалел по поводу того, что твоя крестная мать оказалась такой щедрой к тебе, ведь богатые невесты часто становятся жертвами всяких бездельников и проходимцев. Но тебе, моя девочка, это, слава богу, не грозит.

– У вас много общего, ведь лорд Бэнтам – заядлый охотник, – вновь вступила в разговор леди Эшфорд.

Манера жены высказывать совершенно очевидные вещи с таким видом, будто она совершает открытие, обычно весьма раздражала лорда Эшфорда. Однако сейчас он лишь едва поморщился и нежно поцеловал дочь в макушку.

– Хорошо, Вита, как ты и предлагала, мы поговорим об этом позднее.

– Спасибо, папочка.

Вита приподнялась на цыпочки, чтобы поцеловать отца в щеку, а затем, улыбнувшись матери, покинула гостиную с грацией эльфа. Глядя на нее, трудно было поверить, что это взрослая девушка, стоящая на пороге замужества, а не беспечный, шаловливый ребенок.

Она легко взлетела по лестнице в свою комнату и, закрыв за собой дверь, остановилась на мгновение, глядя прямо перед собой. В ее потемневших от

гнева глазах бушевала буря, губы были крепко сжаты.

Как могло такое случиться? Как это произошло так неожиданно, захватив ее врасплох, подобно разорвавшейся прямо под ногами бомбе.

- Я не выйду за него! Ни за что! - сказала она.

Сама того не желая, Вита произнесла эти слова так громко, что звук своего собственного голоса заставил ее вздрогнуть.

Девушка быстро подошла к камину и с такой силой несколько раз дернула за шнурок колокольчика, что буквально через несколько секунд в комнату вбежала ее служанка.

- Что-то случилось, мисс Вита? - испуганно спросила она.

- Мою амазонку... быстро! И прикажи оседлать лошадь... нет, я сама пойду в конюшню! Просто помоги мне переодеться!

Служанка поспешно принялась расстегивать застежку ее платья на спине.

- Где Марта? - спросила Вита.

- Внизу, пьет чай, мисс.

Виту вдруг ужасно потянуло к Марте - своей доброй, всепонимающей и всепрощающей нянюшке. К ней она всегда несла все свои горести и неприятности, и та умела утешить и ободрить свою любимицу.

Марта твердо придерживалась своих привычек и в этот час, как обычно, пила чай в комнате у экономки. Не было никакой необходимости заставлять ее спешить и возвращаться к своим обязанностям раньше времени.

Эмили помогла своей хозяйке переодеться в амазонку из темно-зеленого бархата, который подчеркивал белизну ее кожи и огненный отлив ее золотистых волос.

Торопясь, Вита мельком взглянула на себя в зеркало, надела шляпку с высокой тульей и нежной, прозрачной вуалью и, подхватив по дороге хлыстик и перчатки, поспешно вышла из спальни и спустилась вниз по ступеням задней лестницы, чтобы избежать встречи с отцом.

Если бы она его встретила, генерал скорее всего сам захотел бы составить ей компанию в верховой прогулке, и девушке пришлось бы ждать, пока он будет готов.

Вита прекрасно знала, что отец не любил, когда она отправлялась на верховую прогулку одна. Однако, войдя в конюшню и велев оседлать одну из своих любимых лошадей, Вита отказалась даже от того, чтобы ее сопровождал грум.

– Я всего лишь собираюсь проехаться по парку, чтобы немного поупражняться.

– Если вы хотите знать мое мнение, мисс, то я вам скажу, что уж чего-чего, а упражнений вам с лихвой хватает, когда вы выезжаете на целый день поохотиться, – с легкой фамильярностью старого слуги сказал ей старший грум.

– Это так, Хедлэм, – согласилась Вита. – И именно поэтому я не могу позволить лениться ни себе, ни тем более лошадям.

– Уж это-то я знаю, мисс, – с усмешкой отвечал Хедлэм.

Он помог Вите сесть в седло и с молчаливым одобрением смотрел ей вслед, отмечая, как она прекрасно держится в седле и управляет своей норовистой лошастью с искусством и умением, заставившими его в который уже раз повторить:

– Да, девочка вся в отца!

Отъехав на достаточное расстояние от конюшни, Вита дала волю своей кобыле, и та весело помчалась по зеленому лугу, радуясь возможности двигаться в полную силу.

После нескольких минут бешеного галопа, от которого вспыхнул яркий румянец на ее щеках и несколько золотистых прядей выбились из ее безупречной

прически, Вита направила лошадь в сторону приземистого длинного здания, находящегося почти в самом центре их поместья.

Она еще не доехала до ворот, как оттуда выехал верхом молодой мужчина и направился ей навстречу. В его радостном взгляде, обращенном на девушку, можно было безошибочно прочесть восхищение, смешанное с обожанием.

– Я поджидал тебя, – сказал он, улыбаясь, – но не думал, что ты приедешь так рано.

– Я собиралась заехать после ленча, – ответила Вита, – но произошло нечто ужасное, и мне было необходимо увидаться с тобой прямо сейчас!

В голосе девушки прозвучало такое неподдельное волнение, что ее собеседник внимательно посмотрел на нее.

Это был очень приятный молодой человек, стройный и гибкий и, без всякого сомнения, джентльмен по рождению. Однако он не обладал ни изысканными манерами, ни элегантностью тех мужчин, что постоянно окружали Виту в самых роскошных гостиных Мэйфера[1 - Один из самых роскошных районов Лондона (прим. пер.).] или вились вокруг нее на балах, на которых она всегда была неизменной, признанной всеми первой красавицей.

Чарльз Фентон был сыном управляющего.

Его отец служил вместе с сэром Джорджем, и когда они оба демобилизовались из армии, генерал предложил майору Фентону управлять его поместьем. О своем решении генерал ни разу не пожалел, ибо трудно было бы найти более умелого и честного управляющего, который считал бы делом своей жизни оправдать доверие своего генерала.

Разумеется, Вита не могла избежать знакомства с Чарльзом, и столь же неизбежно молодой человек не мог не влюбиться в эту взбалмошную жизнелюбивую красавицу. Она приняла это как должное, но хотя Чарльз ей очень нравился, девушка никогда не относилась к нему серьезно, как к своему поклоннику, по той простой причине, что при сложившихся обстоятельствах он никогда не мог бы стать претендентом на ее руку.

Различие в их положении, а также то, что Вита была богатой наследницей, обладающей своим собственным, независимым состоянием, делало невозможным для молодого человека даже мечтать о том, чтобы просить ее руки.

Однако Чарльз был благодарен уже за то, что девушка с удовольствием общается с ним, и смирился со своей долей. Он утешал себя тем, что обладает особой привилегией и честью считаться ее верным другом и доверенным во всех делах.

- Что случилось? - спросил он, видя, что она и вправду не на шутку встревожена.

- Папа хочет выдать меня замуж за лорда Бэнтама!

- Лорда Бэнтама? - повторил в изумлении Чарльз. - Но ведь он же стар... он годится тебе в отцы!

- Я знаю. Они думают, что заботятся о моей безопасности, а сами хотят запереть меня в клетку... в тюрьму! - с горячностью воскликнула Вита.

- И что ты теперь думаешь делать? - спросил встревоженный Чарльз. - Надеюсь, ты сказала своему отцу, что не собираешься выходить за этого скучного старика?

- Сказала, - печально кивнула Вита, - но затем поняла, что отец обязательно настоит на своем. Ты ведь знаешь, каким он бывает упрямым, когда что-то вобьет себе в голову.

Чарльз молча кивнул.

Они придерживали своих лошадей так, чтобы ехать рядом, и любящий взгляд молодого человека не отрывался от прелестного лица девушки.

- Ты не можешь выйти замуж, пока не полюбишь своего будущего мужа, - горячо сказал он, и в его голосе прозвучали нотки такого глубокого неподдельного чувства, что это не могло укрыться от Виты.

- Нет, конечно, но как мне сказать об этом моему отцу?

- А ты не можешь просто попросить его?

Чарльз, как всякий влюбленный, не мог себе представить, что кто-то может устоять перед просьбой Виты, произнесенной ее нежным, ангельским голосом.

Она помолчала несколько мгновений, затем сказала:

- Мне всего восемнадцать. Даже если папа и не потащит меня силой к алтарю, он может очень сильно осложнить мою жизнь, если я откажусь поступить так, как он того желает.

- Каким же образом? - недоверчиво спросил Чарльз.

- В прошлом году, когда папа был сильно настроен против одного молодого человека и даже отказал ему в доме, я впервые воспротивилась его воле и продолжала с ним встречаться.

- И что же произошло? - холодно спросил Чарльз, почувствовав невольный укол ревности. Ему была нестерпима мысль, что Вита могла пожелать встречаться с каким бы то ни было мужчиной.

- Папа наказал меня! - возмущенно заявила Вита, однако, увидев выражение лица Чарльза, весело рассмеялась. - Ну, конечно, не так, как ты подумал. Папа никогда до меня даже пальцем не дотронулся. Когда я была ребенком, ни он, ни мама ни разу меня не шлепнули. Однако он всегда умел придумывать более изощренные наказания. Так, однажды он пообещал, что накажет меня, запретив кататься верхом, пока я не поступлю согласно его желаниям.

Вита тяжело вздохнула.

- Ты можешь представить, как бы я страдала, если бы не могла ездить верхом и если бы гругам было запрещено даже близко подпускать меня к лошадям?

- Это было бы слишком жестоко! - горячо поддержал ее Чарльз.

– У папы есть еще много других способов наказать меня, – продолжала Вита. – Например, он распоряжается моими деньгами. И мог бы отказаться дать мне деньги на новые наряды или на поездку в Лондон. Однажды он даже угрожал мне, что отправит жить к моей тетушке Эдит, которая живет в Сомерсете. И чтобы он не выполнил своих угроз, я должна была подчиниться его желаниям.

Вита печально вздохнула. А затем ей в голову, видимо, пришла какая-то поразившая ее мысль, и она сказала, словно рассуждая:

– Знаешь, что я тебе скажу, Чарльз, они, наверное, думают, что раз я внешне похожа на кузину Джейн, то я должна и вести себя подобно ей. И теперь они всячески стараются предотвратить мои возможные прегрешения. Однако все их старания как раз и могут заставить меня поступить именно так, как она!

– Кузина Джейн? – переспросил Чарльз. – Которая из твоих многочисленных родственниц?

– Мы говорили с тобой о кузине Джейн раньше, – нетерпеливо пояснила Вита. – Джейн Дигби. У нее было четыре мужа и так много любовников, что вряд ли кто-нибудь мог бы взять на себя труд их сосчитать. А сейчас она замужем за арабским шейхом.

– Ты говоришь о леди Элленборо! – догадался Чарльз Фентон.

– Лорд Элленборо был ее первым мужем, – пояснила Вита. – И чем больше я думаю об этом, тем больше нахожу сходства между ним и лордом Бэнтамом! Такой же богатый, важный, самодовольный, к тому же мне говорили, что Дигби заставил свою дочь выйти за него замуж, когда ей было всего семнадцать, просто потому, что она была необыкновенно красива. Ее родители боялись за нее, точно так же, как мои мама и папа боятся за меня сейчас.

Она помолчала несколько секунд, затем продолжила свои размышления вслух:

– Наверное, именно появление Уильяма Стила убедило моих родителей, что меня срочно надо выдать замуж.

– А кто такой Уильям Стил? – холодно спросил Чарльз. Этот разговор ему явно был не по душе.

– Просто один весьма привлекательный повеса, – легкомысленно заявила Вита. – Он присматривал себе богатую наследницу. Сам он, бесспорно, очень красив и элегантен, поэтому многие молодые девицы возомнили, будто они влюблены в него. Было так забавно отвлечь его от них! Но, честное слово, у меня с ним никогда не было, да и не могло быть ничего серьезного.

Девушка помолчала.

– Но кто-то пустил сплетню по поводу Уильяма и меня, и она достигла папиных ушей. Из-за этого он поднял жуткий и совершенно неоправданный шум.

– И тогда-то он и решил, что ты должна выйти замуж за лорда Бэнтама? – сурово спросил Чарльз. – Ах, Вита, как ты прелестна! Твоя красота просто слепит глаза.

Вита одарила его кокетливой улыбкой, рассчитанной на то, чтобы окончательно лишить молодого человека покоя.

– Благодарю, Чарльз. Но только мне сейчас не до комплиментов. Лучше скажи, как мне избежать брака с лордом Бэнтамом.

– Тебе надо что-нибудь придумать, – мрачно сказал он.

– Спасибо за совет, но только это я и сама знаю, – ехидно сказала она, а затем, немного подумав, сердито воскликнула: – Ну как только мои родители могут быть настолько глупыми, настолько черствыми, чтобы не понимать, что они теперь поступают точно так же, как когда-то сделали родители кузины Джейн? Ведь они не могут не знать, сколько горя и страданий ей это причинило! Думаю, именно они, в конечном итоге, вынудили ее совершить этот отчаянный поступок.

Чарльз ничего не ответил, и Вита продолжила:

– Кузина Джейн сбежала с принцем Феликсом Шварценбергом, потому что полюбила его, ведь она никогда не любила лорда Элленборо, именно поэтому была так несчастлива с ним после свадьбы.

– Я думаю, любая женщина всегда бывает несчастлива с мужчиной, которого не любит, – тихо заметил Чарльз.

– Тебе следовало бы сказать об этом моему отцу, – воскликнула Вита. – Но ты, конечно же, прав, Чарльз. Я думаю точно так же и поэтому приняла решение, твердое и бесповоротное, что никогда не выйду замуж, пока не встречу человека, которого полюблю всем сердцем, без которого не смогу жить.

– Не можешь ли ты попросить лорда Бэнтама отказаться от мысли стать твоим мужем? – предложил Чарльз.

– И ты думаешь, это что-нибудь даст? – презрительно фыркнула Вита. – Он полагает, что оказывает мне честь. К тому же он столько лет искал женщину, достойную носить бриллианты Бэнтамов или сидеть и с молчаливым восторгом внимать его длинным скучным речам, подобным тем, которые он произносит в палате лордов, что, найдя ее в моем лице, вряд ли откажется от своего счастья!

– У него такие замечательные лошади! – заметил молодой человек.

– И это единственное, что можно сказать о нем хорошего, – съязвила Вита. – Да только вот незадача – мне ведь придется выйти замуж за него... а не за его лошадей!

И она вновь глубоко вздохнула.

– Как ты думаешь, если бы кузина Джейн знала, насколько несчастной она будет в этом браке, не убежала бы она из дома еще раньше, до своей свадьбы с лордом Элленборо? О мой бог! Как бы я хотела спросить ее об этом!

– Разве она сейчас живет не в Сирии?

– Она живет со своим арабским шейхом в пустыне, и еще у них есть дом в Дамаске, – мечтательно произнесла Вита, глядя куда-то вдаль. – Когда месяц назад сюда приезжал Бевил Эшфорд, другой мой кузен, он все мне рассказал о ней.

– Бевил Эшфорд, дипломат?

– Да, Бевил оправдал надежды, которые на него возлагало наше семейство. Он сделал блестящую карьеру, его хорошо знают дипломатические круги в России, Норвегии, Сирии. Там-то он и встретился последний раз с кузиной Джейн и привез о ней самые свежие новости.

– И что же он о ней рассказывал? – По тону Чарльза было очевидно, что он не одобрял поведение кузины Джейн.

– Он рассказывал, что она и в шестьдесят два по-прежнему очень красива. В этом году ей уже должно было исполниться шестьдесят три.

– Довольно странно, когда подумаешь о том, какую бурную жизнь прожила эта женщина.

– Но, может быть, именно любовь и помогла ей сохранить молодость и красоту?

– Но не может же она все еще любить мужчин в свои годы! – недоверчиво произнес Чарльз.

– Твои слова показывают только то, как мало ты знаешь женщин! – возразила Вита. – Любовь способна творить с ними чудеса. Бевил сказал, что она до сих пор безумно влюблена в своего шейха, как, по-видимому, была влюблена и в двух своих мужей, и в двух любовников королевской крови, в обеих королей, а также во многих других мужчин!

– Но ты ведь не хочешь быть такой же, как она! – в ужасе воскликнул совершенно потрясенный Чарльз.

– Меня постоянно пугали примером кузины Джейн, неустанно твердили о том, как ужасно она себя вела и каким неподобающим может быть поведение женщины, если она забывает о своем долге и чести. – Вита покачала головой, думая о чем-то своем. – Но вся моя семья, тем не менее, говорила о ней, затаив дыхание. В действительности все испытывали к ее судьбе неподдельный интерес. Новости о жизни Джейн распространялись в моем многочисленном семействе так, словно их приносили на хвостах сороки. Ее имя не сходило с уст моих тетушек, внучатых теток, кузин, двоюродных и троюродных кузин и кузенов. Они могли просиживать часами и все говорить и говорить, обсуждая каждый новый скандал, к которому кузина Джейн имела хоть какое-то

отношение.

Вита весело рассмеялась и добавила:

– Но что их доводит просто до бешенства, так это то, что кузина Джейн все еще красива и очень счастлива!

Молодой человек по-прежнему хранил молчание.

Взглянув на хмурого Чарльза, Вита заметила:

– И ты тоже возмущен, как я вижу. Ну разве это не странно? Никто не может вынести того, что такая грешная женщина не рвет на себе в раскаянии одежд, не ходит в рубище и не посыпает голову пеплом, выплакав все глаза, чтобы вымолить великодушное прощение. А кузина Джейн вовсе и не нуждается в том, чтобы ее прощали!

– Откуда ты знаешь?

– Ну, она вызвала здесь настоящий переполох, когда приезжала тринадцать лет назад в Англию. Тогда вся семья собралась у нее – только это было вызвано, разумеется, больше любопытством, чем родственной привязанностью.

– Зачем же она приезжала?

– Думаю, она, должно быть, почувствовала неодолимое желание вернуться туда, где ее корни, – пояснила Вита. – Но затем, приехав сюда, вдруг обнаружила, что дом человека там, где его сердце. А сердце ее осталось в Сирии.

– Все это кажется мне очень странным.

– К сожалению, я была слишком мала, чтобы меня могли взять на эту встречу, – задумчиво продолжала девушка. – Ей было тогда пятьдесят, но все, кто видел ее, говорили с восхищением, что она была по-прежнему очень красива. И еще очень долго после этого события мои родственники вообще ни о чем другом больше не могли говорить.

Вита улыбнулась своим мыслям.

– Как только упоминалось ее имя, кто-нибудь тут же восклицал: «Только не при ребенке!» Однако когда я стала старше, то смогла сложить вместе, словно увлекательную мозаику, те разрозненные фрагменты и обрывки разговоров, которые мне удалось услышать. Таким образом я многое узнала о жизни кузины Джейн. А теперь благодаря Бевилу я знаю о ней гораздо больше.

– Не могу взять в толк, почему тебя так интересует жизнь этой женщины, – неодобрительно проворчал Чарльз. – Твоя семья права, Вита. Ни одна нормальная женщина в здравом уме никогда не выйдет замуж за араба и не захочет жить в пустыне.

– А мне кажется – это так романтично!

– Если бы ты побывала там сама и видела все собственными глазами, то нашла бы эту жизнь убогой, однообразной и, несомненно, временами очень опасной!

– Да, она действительно опасна! – с воодушевлением воскликнула Вита. – Бевил рассказывал мне об этом. И все же, должно быть, так увлекательно царствовать над племенем бедуинов и быть свободной от мнения всех этих отвратительных чванливых снобов, от мелочной зависти и бесконечных условностей, которые царят в Англии.

Она сделала паузу, прежде чем закончить.

– А главное – не надо выходить замуж за такого неприятного типа, как лорд Бэнтам!

– Но ты и не должна выходить за него! – горячо заявил Чарльз. – Никто, даже твой официальный опекун, не может заставить тебя произнести «да», когда настанет момент отвечать перед алтарем.

Глаза Виты озорно блеснули.

– Вот было бы забавно – дожждаться, когда священник перед алтарем произнесет слова свадебного обряда: «Берешь ли ты этого мужчину в свои законные

супруги?» – и затем ответить: «Нет!»

– Но ты ведь не пойдешь на подобный... на такой общественный скандал... в церкви! – Чарльз был вне себя от изумления и негодования.

– А почему бы и нет? – беспечно ответила Вита. – Я могу делать все, что мне вздумается!

– Но ты ведь этого не сделаешь, – осторожно попытался увещевать ее Чарльз. – Ты слишком хорошая, Вита, слишком замечательная во всех отношениях; ты ведь не хочешь, чтобы о тебе говорили гадости в связи с подобным скандалом. Это было бы жестоко и по отношению к твоим родителям.

Он помолчал, подыскивая новые аргументы, затем заговорил, слегка понизив голос:

– Ты ведь знаешь, все, чего я желаю, – это чтобы ты была счастлива. Я, не задумываясь, отдал бы жизнь, если бы знал, что этим могу тебе помочь. Но здесь я бессилен.

Вита нежно улыбнулась ему.

– Ты так добр, Чарльз, и ты ведь знаешь, как я полагаюсь на тебя и как доверяю. Ты должен мне помочь... Я не могу... выйти замуж, даже если мне придется пойти против воли отца.

– Но как я могу помочь тебе? – в отчаянии произнес Чарльз.

Вита ничего не отвечала, и через мгновение Чарльз вновь заговорил:

– Я, конечно, не могу поверить в то, что ты решилась бы бежать со мной. Но если ты все же согласишься на это, нет необходимости говорить тебе, что я стал бы самым счастливым человеком на свете.

– Ах, мой дорогой Чарльз! – ласково сказала Вита. – Не думаю, что из этого может получиться что-нибудь хорошее. Они мгновенно поймут нас, и единственным результатом будет то, что мой отец выгонит твоего, и мы больше

никогда не сможем увидеться. Нет. Это не выход.

- Но как еще я могу тебе помочь? - безнадежным тоном спросил Чарльз.

- Ты и так мне помогаешь тем, что поддерживаешь меня. Для меня большое облегчение знать, что ты на моей стороне. Ты ведь и сам хорошо знаешь, что любой другой сказал бы: «Твоему отцу виднее», или «Ты должна делать так, как велит отец», или «Как может девушка в восемнадцать лет знать, что она на самом деле хочет?»

- Но ты-то ведь знаешь, чего хочешь, - тихо ответил Чарльз.

- Разумеется, знаю, - фыркнула Вита. - И чем больше я об этом думаю, тем больше убеждаюсь, что я ни за что не выйду замуж за лорда Бэнтама, даже если бы он вдруг стал единственным мужчиной на свете.

Она помолчала немного, затем спросила:

- Ты смотрел когда-нибудь на его руки, Чарльз? У него короткие, толстые пальцы. Я не вынесу, если он когда-нибудь... прикоснется ко мне!

- Нет, Вита, не говори этого! - взмолился Чарльз.

В его голосе прозвучала неподдельная боль, и он бессознательным движением сжал бока лошади, посылая ее вперед. Она вырвалась так далеко, что прошло несколько минут, прежде чем Вита смогла нагнать своего друга.

- Я причинила тебе боль, Чарльз? Сделала тебя несчастным? - спросила она грустно.

- Ты уже давно сделала меня несчастным, - отвечал он, не глядя на девушку. - Это все равно, что смотреть на небо и видеть звезды, такие прекрасные, такие желанные, что ты понимаешь, насколько пуста твоя жизнь, раз ты не сможешь владеть ими, и к тому же точно знаешь, что они для тебя совершенно недостижимы.

- Ах, Чарльз, ты настоящий поэт! - воскликнула Вита.

Она внимательно посмотрела на него своими огромными глазами, затем добавила:

- Если бы я любила тебя, я бы обязательно убежала с тобой. Мы могли бы уехать куда-нибудь далеко - так, чтобы нас никто не смог найти. На какой-нибудь далекий остров, где могли бы быть счастливы просто потому, что были бы всегда вместе.

- Но ты не любишь меня! - резко сказал Чарльз.

- Я люблю разговаривать с тобой, мне нравится, когда ты рядом. Но этого слишком мало, правда?

- Нет, - с горечью ответил молодой человек, - для тебя этого недостаточно, и я думаю, что этого было бы недостаточно также и для меня.

- А на что похожа любовь, Чарльз? - спросила Вита.

Он издал короткий горький смешок, затем ответил:

- Ты действительно хочешь, чтобы я тебе рассказал об этом?

- Я спрашиваю тебя об этом как своего друга.

- Но я не могу разговаривать с тобой об этом, как друг, - с неожиданной страстью отвечал он. - Для мужчины, который любит тебя, это похоже на смертельную агонию и блаженный экстаз. Это боль, которая пронизывает все тело и мозг, почти невыносимая временами. Затем внезапно тебя охватывает такой восторг, что ты чувствуешь себя на седьмом небе от счастья и понимаешь, что, в конце концов, вся эта боль и мука того стоит.

В голосе Чарльза Вите послышалось едва сдерживаемое рыдание, и когда он замолчал, она нежно сказала:

- Спасибо тебе, Чарльз. Это то, что я обязательно должна испытать...

– Мне нестерпима мысль, что ты будешь когда-нибудь испытывать подобные чувства по отношению к другому мужчине, – грустно сказал Чарльз. – Но в то же время я бы не вынес, если бы тебе вместо этого пришлось довольствоваться жалкой подделкой. Ты достойна самого лучшего, Вита!

– Это именно то, что я и сама чувствую. Знаешь, Чарльз, жизнь должна быть интересным приключением, волнующим, захватывающим приключением, если только ты не позволишь заточить себя в позолоченную клетку и закрыть засов из бриллиантов, который навсегда заставит отказаться от мечты!

– Ты должна быть очень осторожна в своих словах и поступках, – предостерег ее Чарльз. – Сейчас важно выиграть время.

– Почему? – удивилась Вита.

– Потому что, как только ты выйдешь замуж, будет слишком поздно. Советую тебе согласиться на помолвку, но только надо поставить условие, чтобы до свадьбы было как можно больше времени, хотя, как мне кажется, это будет не просто – лорд Бэнтам не захочет долго ждать.

– Почему ты так в этом уверен?

– Да потому, что любой мужчина, который хочет тебя заполучить, будет бояться потерять такое сокровище, – с пылкостью принялся объяснять Чарльз, и в его сверкающих глазах ясно отражались обуревавшие его чувства. – Он должен быть слепым, глухим и круглым болваном, чтобы не понимать, что любой мужчина, которого ты встречаешь, немедленно влюбляется в тебя и ты вполне можешь предпочесть ему кого-нибудь другого.

– Я бы и предпочла ему кого угодно, – не преминула вставить Вита.

– Полагаю, он слишком высокого о себе мнения и упоен собственной значимостью, чтобы понимать это в настоящий момент, – заметил Чарльз. – И тем не менее он может заявить, что это дело срочное, не терпящее отлагательства, и твой отец вынужден будет с ним согласиться.

– Ты хочешь сказать, что папа может заподозрить, будто я могу сбежать, если поймет, насколько мне противен этот брак?

– Не наделяй ошибок, Вита, – серьезно сказал Чарльз. – Генерал очень умный и проницательный человек. Мой отец относится к нему с огромным уважением. Он часто рассказывал мне о том, каким хорошим командующим он был и как были преданы ему люди, готовые следовать за ним, куда он только прикажет.

– Я в этом никогда не сомневалась, – кивнула Вита.

– Но в то же время, – продолжал Чарльз, – за генералом закрепились репутация невероятно строгого, придирчивого командира. Он не только отдавал приказы, но и следил, чтобы они беспрекословно и в точности выполнялись. Мне кажется, он будет не менее настойчив, когда дойдет дело до этой свадьбы.

– Ты абсолютно прав, Чарльз! – вздохнула Вита. – И все потому, что он думает, что поступает так ради моего же блага. О, как я ненавижу это выражение!

– Но, может быть, я заблуждаюсь и твой отец прав? – спросил Чарльз взволнованно.

– И это говоришь мне ты, после того, как рассказал о том, что такое любовь?! – воскликнула Вита. – Ты не можешь отказаться от своих слов сейчас. Ведь ты сам подстрекал меня к сопротивлению и должен теперь быть готов к последствиям своего поступка! – с вызовом заявила девушка.

– Вита, умоляю, не поступай опрометчиво, продумай все хорошенько! – произнес Чарльз, полный тревоги и мрачных предчувствий.

Чарльз знал, насколько отчаянной и импульсивной была его подруга, и он слишком хорошо знал, что она обладала не менее деспотичными замашками, чем ее отец, и полагала, что стоит ей пожелать – и весь мир будет здесь к ее услугам.

– У меня такое ощущение, – сказала девушка, – что я что-нибудь обязательно придумаю... придумаю, как мне сбежать. Но как мне выиграть время? Помогите мне, Чарльз! Что мне делать? Ты ведь сам предложил быть осторожной!

Они ехали какое-то время молча, затем Чарльз сказал:

– Нет ли у тебя родственников, к которым ты могла бы обратиться? Я не имею в виду твоих кузенов и кузин, которые живут здесь неподалеку. Я говорю о ком-нибудь в Шотландии или Франции. Что твой кузен Бевил? Куда его отправили на этот раз?

– Он как раз сейчас направляется в Мехико, – отвечала Вита. – Он только нанес короткий визит домой. Нет, это нам не подходит.

Внезапно она издала радостный возглас.

– Что с тобой? – изумился Чарльз.

– Ты решил ее. О, Чарльз, ты решил эту проблему! Ты только что подсказал, что именно мне надлежит делать. Я вечно буду тебе благодарна за это!

– Я подсказал тебе, что делать? – растерянно повторил за ней Чарльз. – Но мне показалось, что ты только что сказала, что не можешь ехать к кузену Бевилу? Или я что-то не понял?

– Да не к Бевилу! – нетерпеливо воскликнула Вита. – А к кузине Джейн! Вот куда я поеду! Я же говорила тебе, что хотела бы спросить у нее совета... она единственная из всех моих родственников, кто в состоянии понять меня и помочь!

– Но она же в Сирии! – разволновался Чарльз. – Не можешь же ты, в самом деле, ехать в Сирию, да к тому же твой отец никогда не позволит тебе поехать в гости к особе, которая вела себя подобным образом. Это просто невозможно!

Вита радостно рассмеялась.

– Мой дорогой Чарльз, уверяю тебя, я не настолько глупа, как ты полагаешь, – весело сказала она. – Конечно, я ни слова не скажу папе о том, что собираюсь поехать к кузине Джейн. Ты единственный, кто будет знать об этом! Но я собираюсь сделать именно это, и никто – слышишь – никто не сможет остановить меня!

* * *

Двумя часами позже Вита вошла в кабинет отца, где сей почтенный джентльмен сидел в уютном кресле и читал газеты.

Он поднял глаза, когда Вита появилась прямо перед ним, и в который раз подумал, что ему несказанно повезло, что у него такая прелестная и милая дочь.

Одетая в скромное белое платье, которое, тем не менее, подчеркивало плавный изгиб ее высокой груди и тонкую талию, Вита казалась сошедшей с портретов Гейнсборо. И, словно намеренно стремясь вызвать подобное сравнение, она держала в руках ярко-розовый цветок гвоздики.

Ее белоснежная кожа горела ярким румянцем, подтверждая впечатление об отменном здоровье, веявшем от этой юной красавицы. И в то же время в ее внешнем облике было что-то эфирное, неземное, говорившее о хрупкости и ранимости нежного создания. В сердце любого мужчины при виде такого изящества и хрупкости мгновенно загоралось неумное стремление защищать и оберегать... до тех пор, пока они не замечали задорные, пляшущие искорки в ее дерзких голубых глазах.

Вита подошла совсем близко к креслу отца и наклонилась, чтобы коснуться поцелуем его щеки с любовью и нежностью, которые отличали их отношения.

– Я принесла гвоздику для тебя, папа. Вдень ее в петлицу. Ты будешь выглядеть еще более эффектно и элегантно, чем всегда!

С этими словами она просунула ножку цветка в петличку, затем поцеловала отца еще раз и опустилась прямо на пол, расположившись у его ног.

– Теперь я гораздо лучше себя чувствую, папа, – сказала она. – Я прокатилась верхом и после прогулки могу думать яснее и рассуждать разумнее, чем несколько часов назад, когда ты заговорил со мной о браке с лордом Бэнтамом.

– Я чрезвычайно рад этому, моя милая, – отвечал генерал, – однако было бы лучше, если бы мы прокатились вдвоем. Ты ведь знаешь, я не люблю, когда ты едешь верхом одна.

– Но я никуда не выезжала из парка, папа. К тому же мне хотелось как следует обо всем подумать.

– И к каким же выводам ты пришла в результате своих раздумий?

– Я пришла к заключению, что у меня самый замечательный, самый добрый и обожаемый папочка на свете, – медленно произнесла она.

Генерал ласково улыбнулся ей, в то же время на его лице мелькнуло тревожное выражение.

– Я чувствую, Вита, – сказал он, – что ты что-то собираешься у меня попросить. Но учти, если ты намерена говорить о том, что не желаешь выходить замуж за лорда Бэнтама, то только зря потеряешь время. Это вопрос уже решенный.

– Я оставляю тебе решать такую важную и трудную проблему, папочка, – тихо произнесла Вита. – Если ты считаешь, что он сделает меня счастливой, то я должна согласиться с твоим решением.

– Это именно то, что я и желал от тебя услышать, – сказал довольный генерал. – Ты очень благоразумно поступаешь, моя милая, и я обещаю, что ты никогда не пожалеешь, доверив мне решать твою судьбу.

– Я в этом уверена, папочка. Но если я согласилась с твоими планами, то не мог бы и ты кое в чем пойти мне навстречу?

Генерал внимательно посмотрел на дочь, и в его глазах вспыхнули веселые, задорные искорки.

– Я не сомневался, что ты неспроста такая уступчивая. Ну, признавайся, плутовка, что ты хочешь?

Вита приподнялась и, положив руки отцу на колени, заглянула ему в глаза умоляющим взглядом.

– Однажды ты сказал мне, папа, – начала она, – что никто не может считаться образованным или по-настоящему культурным человеком до тех пор, пока не побывает в Италии.

– Я говорил это? – удивился генерал. – Ну, что ж, возможно, я и в самом деле так говорил. Во всяком случае я действительно так думаю. Это необыкновенно красивая страна, и мне всегда было жаль, что твоя мама и я не могли ни разу отвезти тебя туда.

– Я думаю, что, прежде чем я выйду замуж, мне обязательно надо побывать в Риме и, может быть, еще в Неаполе, – заявила Вита.

– Так вот какое обещание ты пытаешься вытянуть из меня, – воскликнул удивленный генерал.

– Разве я слишком многого прошу, папа? Подумай, как было бы чудесно увидеть Колизей в Риме и Помпеи. Выйдя замуж, я уже не смогу никуда поехать. Я совершенно уверена, что лорд Бэнтам будет всегда слишком занят, чтобы найти время для путешествий.

– Так же, как и я в настоящий момент, – сказал генерал. – Ты ведь знаешь не хуже меня, Вита, что обязанности главного шерифа графства делают невозможным мою поездку за границу по крайней мере еще два месяца. Кроме того, у меня накопилось много дел в самом имении.

– Конечно, Италия будет уже не той без тебя, папа. Без твоих рассказов и объяснений моя поездка многое потеряет, – огорченно протянула Вита. – Но в то же время я просто уверена, что она мне необходима для завершения образования. Я думаю, можно найти кого-нибудь, кто мог бы сопровождать меня... леди Кроун, например.

Генерал ничего не ответил, и Вита продолжала:

– Я знаю, она старая сплетница, но ее муж был дипломатом, и она много путешествовала по миру. Кроме того, она говорит по-итальянски.

– Хм, интересно, когда ты успела придумать все это? – подозрительно спросил генерал.

– Я мечтала об этой поездке уже давно, – с невинным видом заявила Вита. – На самом деле я уже обсуждала это с леди Кроун, и она даже дала мне несколько уроков итальянского. Я хотела сделать тебе сюрприз, когда мы с тобой приехали бы вместе в Италию.

Генерал вновь ничего не ответил, и Вита поднялась с пола и, сев на подлокотник его кресла, обвила руками шею отца.

– Ну, пожалуйста, милый папочка, позволь мне поехать в Италию, – умоляющим голосом произнесла она. – Как только я выйду замуж, мне придется угомониться и выполнять все желания своего мужа. У меня может вскоре родиться ребенок, и тогда мне придется забыть о путешествиях. Поверь, эта поездка доставила бы мне такую радость! Ты ведь знаешь, как я люблю путешествовать.

Это была правда, генерал знал любовь дочери к странствиям, так как несколько раз брал ее с собой в поездки во Францию, в Бельгию, Данию. Однажды они собирались даже съездить в Венгрию, так как генерал загорелся целью купить там лошадей, о которых он слышал самые восторженные отзывы. Но вместо этого генерал отправился в Ирландию и вернулся домой с двумя лошадьми, специально обученными для охоты, которые до сих пор вызывали у его соседей жгучую зависть.

И он на самом деле обещал Вите отвезти ее в Италию.

– Я должен об этом подумать, – сказал он наконец.

– Ну, пожалуйста, папочка. Ты ведь сам настаивал на том, чтобы я получила полное образование. Ты всегда говорил, как ты не любишь пустоголовых женщин, которые ничего не видели, нигде не бывали, а берутся судить обо всем на свете. А я чувствую, что у меня имеется существенный пробел, который мог бы заполниться, если бы я собственными глазами увидела памятники архитектуры, побывала в картинных галереях и опере.

Вита притянула его голову к себе и, пока говорила, заглядывала в глаза.

Она была так мила, так нежна и ласкова, а ее руки и волосы пахли розами.

И генерал ничего не мог с собой поделать. Он сдался.

– Делай, что хочешь, – сказал он и поцеловал дочь в щеку.

– Ты хочешь сказать... я могу ехать? – радостно воскликнула девушка. – О, мой дорогой, замечательный папочка! Я так люблю тебя!

Глава вторая

Вита стояла на балконе своей спальни и смотрела на мерцающую в лучах солнца, переливающуюся гладь Неаполитанского залива.

Лазурное море, далекие горы и небольшая рыбацкая деревушка, примостившаяся внизу среди разбивающихся о скалы волн, были настолько красивы, что она невольно задержала дыхание.

Она с восторгом поняла, что это победа!

Девушка наконец добралась до Неаполя, и теперь вот-вот начнется то необыкновенное приключение, к которому она была готова всем сердцем и ради которого все это и было задумано.

Все получилось гораздо проще, чем она могла ожидать.

Раз уж генерал принял решение, что Вита поедет в путешествие по Италии до своей свадьбы, он сделал все от него зависящее, чтобы это путешествие состоялось как можно быстрее.

Вита подозревала, что отец вскоре пожалел о данном ей обещании. Наверняка лорд Бэнтам был недоволен такой задержкой, и она с трепетом ожидала, что он каким-то образом сможет помешать ей осуществить задуманное.

Однако генерал был человеком слова, и раз он обещал, что Вита сможет поехать в Рим и Помпеи, он не собирался разочаровывать ее своим отказом.

Вита была очень возбуждена перед своим отъездом. Но только Чарльзу девушка могла признаться в том, что не собирается ограничиваться одним лишь осмотром достопримечательностей Италии.

– Я все продумала, Чарльз, – сказала она, – надо будет только найти корабль, который отвезет меня из Неаполя в Бейрут. Судя по карте, это ближайший порт от Дамаска.

– Но тебе еще потребуется убедить леди Кроун сопровождать тебя, – заметил обеспокоенный Чарльз. – Что если она откажется?

– Что-нибудь придумаю, – беспечно отмахнулась Вита.

Чарльз внимательно, с некоторым подозрением посмотрел на нее.

– Надеюсь, ты не задумала какую-нибудь глупость – например, поехать туда одной? – спросил он. – Если только я заподозрю, что это так, то клянусь, что тут же пойду к генералу и скажу ему, что ты затеяла!

– Чарльз! Ты этого не сделаешь! Если ты окажешься предателем и выдашь мой секрет, я никогда больше не заговорю с тобой.

– Что будет все же лучше, чем мучиться раскаянием, думая обо всех тех смертельных опасностях, которые могут тебя подстеречь, если только ты окажешься настолько сумасшедшей, что поедешь туда одна, – заявил он. – Ведь до сих пор ты вела спокойную, комфортную жизнь, не зная, что такое лишения и настоящая опасность. В твоём окружении постоянно были слуги и люди, готовые защитить тебя. Даже за границей тебя всегда сопровождал отец.

Вита ничего не смогла на это возразить, и Чарльз продолжал:

– Обещай мне... нет, поклянись всем, что есть для тебя святого, что не станешь делать глупостей, которые могли бы вовлечь тебя в серьезные неприятности.

– Что ты называешь серьезными неприятностями? – спросила Вита, отведя глаза.

– Ты слишком красива и слишком молода, чтобы путешествовать по миру без сопровождения армии солдат, которая могла бы защитить тебя!

Вита весело рассмеялась.

– Вот было бы забавно! Но вряд ли Военный департамент согласится выделить мне армию для моих собственных нужд. Как ты думаешь?

Чарльз еще долго молил, увещевал, уговаривал и спорил с ней. Все было напрасно. Когда они расстались, он был страшно собой недоволен и с тревогой сознавал, что Вита поступит так, как задумала, и никакими уговорами ее невозможно заставить отказаться от своей затеи.

Он был прав. Девушка с самого начала задумала сбежать от своих опекунов и теперь не собиралась отступать.

Именно Вита настояла на том, чтобы поездка по Италии началась с Неаполя, а не с Рима, как предлагал отец. Она не хотела ехать через всю Францию до Рима. И, хотя у нее были свои причины для этого, убеждая отца, Вита нашла серьезные аргументы в пользу подобного решения.

– Ведь добраться до Неаполя по морю быстрее и гораздо удобнее, – сказала она отцу. – Я всегда боялась, путешествуя поездом, что потеряется багаж или мы что-нибудь перепутаем и сойдем не на той станции. Ведь это будет совсем не то же самое, что путешествовать с тобой, дорогой папочка! Я буду постоянно беспокоиться.

– Но с тобой поедет самый опытный и заслуживающий полного доверия сопровождающий, – снисходительно сказал генерал. – Я знаю Девенпорта уже многие годы, и знаю, что он очень надежен. Он присмотрит за твоим багажом, так же как и за всем остальным. Тебе абсолютно не о чем беспокоиться. Тебе останется только наслаждаться путешествием.

Однако он наконец согласился, что предложение Виты вполне разумно и что лучше будет ей отправиться на корабле до Неаполя.

Вита догадывалась о причине такой покладистости со стороны своего отца. Видимо, генерал думал, что этот путь ближе и быстрее. А чем скорее она приедет в Италию, тем скорее вернется домой. Это его вполне устраивало.

Итак, они отплыли на одном из самых современных и комфортабельных пароходов, которые даже до Бомбея добирались всего за двадцать пять дней, что совсем еще недавно казалось абсолютно невозможным.

Генерал поехал в порт провожать их. Расцеловав на прощание дочь и прижав ее последний раз к сердцу, он обратился к леди Кроун, и в его голосе прозвучала глубоко скрываемая тревога:

- Вы будете как следует заботиться о ней?

- Вы ведь знаете, что буду, сэр Джордж!

Леди Кроун, как и предвидела Вита, была настолько рада представившейся ей возможности поехать в Италию, что готова была согласиться на любые условия генерала. В то же время она и в самом деле очень любила Виту и была ей несказанно благодарна за то, что девушка пригласила ее в качестве своей дуэньи.

Эдуард Девенпорт, другой ее сопровождающий, был человеком средних лет, уже седой, очень учтивый и обходительный, а также весьма расторопный. Он пользовался неизменным уважением своих клиентов, которые ценили его и часто нанимали в качестве курьера и сопровождающего в самые дальние и сложные поездки.

Среди высших армейских офицеров Девенпорт пользовался большой популярностью. В какой бы отдаленный уголок мира ни приходилось ему сопровождать их детей или жен, он все осуществлял с таким умением, что создавал максимальные удобства для своих подопечных. Сам же он был настолько приятным и деликатным спутником, что все в один голос говорили, что он совершенно незаменим.

Вита посчитала бы его слишком скучным человеком, если бы на второй день своего путешествия не узнала, что мистер Девенпорт хорошо знает Сирию. Девушка тут же постаралась разговорить его и выведала много полезных вещей,

о которых прежде никогда не слыхала.

Разумеется, ей вовсе не хотелось, чтобы он заподозрил истинные мотивы ее расспросов. Поэтому она постаралась – и это ей вполне удалось – представить все таким образом, будто ее интересы касаются исключительно арабских лошадей.

Дело в том, что когда-то давно генерал рассказал Вите о происхождении скаковых лошадей в Англии от чистокровных арабских скакунов. Так что теперь она со знанием дела могла говорить о знаменитых кобылах арабских кровей, от которых вели свое происхождение английские скаковые лошади.

Мистер Девенпорт рассказал ей о породе бинт-эль-ахвей, принадлежащей детям Измаиловым, от которой берут начало все арабские лошади; затем они заговорили о бедуинах и шейхах, занимающихся разведением этих прекрасных животных. После этого Вите ничего не стоило как бы невзначай упомянуть о своей кузине, достопочтенной Джейн Дигби эль-Мезраб, которая, как рассказывал ей Бевил, пользовалась в Сирии довольно широкой известностью.

После ее слов повисло неловкое молчание. Вита почувствовала, что Эдуард Девенпорт растерялся, не зная, как ему говорить о женщине, имеющей столь дурную репутацию и постоянно шокирующей все почтенное семейство Эшфордов.

Но Вита была готова к такому повороту.

– Уверяю вас, вы вполне можете говорить со мной о кузине Джейн, – заявила она смущенному мистеру Девенпорту. – Мой другой кузен, Бевил Эшфорд, очень много рассказывал мне о ней, разумеется, не в присутствии моего отца, так что мне даже кажется, будто я с ней сама знакома.

– Боюсь, ваша кузина ведет жизнь, весьма далекую от жизни достойной, благочестивой леди, мисс Вита, – смущенно проговорил мистер Девенпорт. – И, хотите верить, хотите нет, даже в самой Сирии ее брак с шейхом-мусульманином вызвал весьма горячее осуждение.

– Да, разумеется, я знаю об этом, – заявила Вита, – но я также знаю, что шейх Абдул Меджул эль-Мезраб в действительности принадлежит к арабской знати.

– Это так, – кивнул мистер Девенпорт, – у него такая же голубая кровь, как и у его жены. Однако местная знать не признает ее высокое происхождение и считает его брак мезальянсом. Разумеется, у нас в Англии такое никому и в голову не могло бы прийти.

– Расскажите мне о кузине Джейн, – попросила Вита.

Однако мистер Девенпорт слишком боялся ослушанием вызвать гнев генерала, поэтому на ее просьбы он лишь коротко ответил:

– Она очень красива.

Вита поняла, что больше от него ничего не добьется, и прекратила свои расспросы, боясь вызвать ненужные подозрения.

Тем не менее, продолжая придерживаться безопасной темы о лошадях, она узнала от своего собеседника много интересного об арабских племенах. Рассказал он ей и о том, каким опасным для путешественников местом была пустыня. Впрочем, Вита уже слышала об этом от Бевила.

– Пустынные арабские племена находятся в состоянии непрекращающейся войны друг с другом, – рассказывал мистер Девенпорт. – Постоянные стычки и грабеж – дело совершенно обыденное в тех краях.

Заметив, как внимательно слушает его девушка, он продолжал с большим воодушевлением:

– Самые могущественные из них – шаммеры и анизы. Муж вашей кузины принадлежит к анизам.

– Они, эти племена, что, так ненавидят друг друга, что постоянно враждуют? – затаив дыхание, спросила девушка.

– Между ними веками существует кровная месть, – отвечал мистер Девенпорт. – И тот, кто отваживается проникнуть на территорию другого племени, часто рискует жизнью!

Однако, почувствовав, что его слова прозвучали слишком зловеще и могут напугать впечатлительную девушку, поспешил добавить:

– Но, разумеется, все совсем не так трагично, как может показаться из моих слов! И хотя некоторые бедуины, действительно, самые настоящие бандиты, они часто используют всякие хитрые способы, позволяющие им обирать неосторожных путешественников самым бессовестным образом, но не убивают их.

– Что же это за способы? – заинтересовалась Вита.

– Со мной однажды произошел такой случай, – признался мистер Девенпорт. – Я путешествовал вместе с караваном, когда на нас напала банда самых настоящих разбойников. Они устроили грандиозный спектакль, бешено носились вокруг нас, показывая чудеса верховой езды, оглушая воздух дикими криками и устрашающе потрясая копьями и саблями.

– Вы, наверное, испугались?

– Да, это было крайне неприятно, – согласился мистер Девенпорт, – но я чувствовал, что, по крайней мере, нашим жизням ничего не угрожает.

– И что случилось дальше? – спросила Вита. Глаза ее возбужденно горели.

– Они взяли все, что смогли найти. А затем, в определенный момент, с не меньшим драматическим эффектом неожиданно появилась другая такая же банда всадников, которая напала на первую.

– Кто же были ваши спасители?

– Другой отряд из того же племени, – усмехнулся мистер Девенпорт. – Они сделали вид, что прогнали напавших на нас бедуинов, а затем потребовали награду за то, что спасли наши жизни.

Вита весело рассмеялась.

– Так, значит, вам пришлось платить дважды!

– Ну, конечно! – тоже улыбнулся мистер Девенпорт. – В том-то и заключался весь смысл этого красочного представления.

Для Виты рассказ Эдуарда Девенпорта звучал как захватывающее и увлекательное приключение. Он еще больше утвердил ее в решении во что бы то ни стало добраться до Сирии.

Впрочем, эта мысль созрела в ней гораздо раньше, еще до ее отъезда из Англии, когда лорд Бэнтам стал довольно частым гостем в их доме.

Генерал, разумеется, сообщил своему другу, что Вита приняла его предложение и готова вступить в брак сразу, как только вернется из путешествия. Поэтому в глазах сего почтенного джентльмена, во всяком случае так казалось Вите, появилось самодовольное выражение торжества, которое портило его улыбку, кривившую тонкие губы и почти не сходящую с его лица на протяжении всего крайне тягостного для девушки визита.

– Мы поженимся через месяц после вашего возвращения из Италии, – важно произнес он. – Принц Уэльский и принцесса Александра соизволили дать согласие присутствовать на церемонии нашего бракосочетания.

– Какое удовольствие это, видимо, вам доставило, – сказала Вита, стараясь скрыть саркастическую усмешку.

Она вовремя опомнилась, что не следует так откровенно показывать свои чувства, и поспешно добавила, опустив глаза и изобразив на лице смущение:

– Я боюсь, что буду слишком волноваться... Такая пышная свадьба со столь высокими гостями... мне, право же, страшно подумать об этом.

– Нет никаких причин для беспокойства, – снисходительно произнес лорд Бэнтам. – Я буду подсказывать, что вам надлежит делать и говорить, и все пройдет прекрасно, вы не сможете совершить никакой ошибки.

– Вы так добры, – произнесла Вита, искренне надеясь, что в ее голосе звучит признательность, а не насмешка.

В тот первый свой визит в качестве жениха, когда они остались на какое-то время одни в гостиной, лорд Бэнтам, воспользовавшись ситуацией, взял ее за руки.

– Я уверен, что мы с вами будем счастливы вместе, – сказал он. – Есть многое, чему мне бы хотелось научить вас, и я уверен: вы будете самой прелестной и прилежной ученицей.

– Да, – пробормотала Вита, – конечно.

Она говорила тихим, покорным голосом, словно послушная девочка, однако ей стоило больших усилий не выдать отвращения, охватившего ее, когда лорд Бэнтам взял ее руки в свои.

Девушка смотрела на его толстые короткие пальцы и боролась с диким, яростным желанием – вырвать у него свои руки и вытереть их. Лорд Бэнтам привлек ее к себе, намереваясь поцеловать. Ее охватило смятение. Как долго еще она сможет скрывать свои истинные чувства?!

К счастью, ей удалось увернуться, и она подставила лорду Бэнтаму щеку, а не губы, как бы ему того хотелось, но даже это невинное прикосновение заставило ее вздрогнуть от отвращения. Ей показалось, что ее поцеловала какая-то мерзкая холодная жаба.

Вита поняла, что он действительно внушает одно только отвращение и что она ничуть не преувеличивала, когда сказала Чарльзу, что не выйдет замуж за лорда Бэнтама, даже если он останется одним-единственным мужчиной на всем белом свете!

Выгнувшись, Вита сумела ускользнуть из рук своего жениха и отодвинулась от него на безопасное расстояние.

– Мне кажется, папа хочет вас видеть, – сказала она поспешно. – Он еще очень многое хотел бы обсудить с вами, нам не следует заставлять его ждать.

– Нет никакой необходимости спешить, моя дорогая, – заявил лорд Бэнтам.

В его голосе слышались нотки, которые яснее слов предупредили Виту, что ей следует как можно дальше держаться от его рук.

Она быстрым движением открыла дверь, понадеявшись, что так называемый жених не осмелится дотронуться до нее при слугах, которые дежурили в холле.

После этого случая Вита стала очень осторожной и старалась ни на одно мгновение не оставаться в комнате вдвоем с лордом Бэнтамом.

Она понимала, что в нескольких случаях он сам старательно подстраивал так, чтобы они остались вдвоем, но каждый раз тем или иным способом Вита разрушала его планы.

Девушка догадывалась, что он озадачен ее странным отношением к нему, но очень надеялась на то, что он припишет все ее юности и неопытности. К тому же лорд Бэнтам, по ее мнению, был слишком самодоволен, чтобы заподозрить какие-то иные, тайные мотивы, помимо вполне естественной стыдливости невинной девушки.

Перед их отъездом лорд Бэнтам предложил поехать вместе со всеми в Тилбери, чтобы проводить Виту на пароход, однако ей все же удалось избежать этого испытания.

– Я бы хотела побыть с тобой вдвоем перед разлукой, папочка, – сказала она генералу. – Если с нами поедет кто-то посторонний, то нам не удастся насладиться обществом друг друга. Придется вести вежливые разговоры, а мне еще о многом хотелось тебя расспросить об Италии и вообще... Если с нами поедет чужой человек и будет нас слушать, это будет уже совсем не то!

– Едва ли можно назвать чужим человеком лорда Бэнтама, моя девочка, – машинально возразил генерал.

Однако он был очень польщен, что Вита пожелала остаться только с ним, а не со своим женихом, поэтому почти без всякого сопротивления согласился с ее требованием.

«Лорд Бэнтам ужасен! Я никогда не выйду за него замуж!» – пообещала сама себе Вита, покидая берега Англии. И на протяжении всего путешествия она еще не раз повторила эти слова.

В то же время она была так занята, составляя планы на будущее, которое рисовалось ей как увлекательное приключение с побегом и путешествием в Сирию к кузине Джейн, что девушка не забивала голову мыслями о том, что будет делать, если ей все же придется вернуться в Англию, не решив своих проблем.

С каждым днем, который отдалял ее от мужчины, которого родители выбрали ей в мужа, она все более убеждалась в том, что была права, стремясь любым способом избежать этого брака. Несомненно, ее замужество было бы столь же ужасным и окончилось не менее плачевно, чем брак ее кузины Джейн с лордом Элленборо.

Все это время девушка не могла не думать о необыкновенной, яркой жизни Джейн. У нее сладко замирало сердце от предвкушения и страха одновременно.

Не кто иной, как Бевил, нарисовал перед ней картину жизни кузины Джейн, описывая ее как романтическую искательницу приключений. Но искала она в жизни только одного – любви, настоящей сильной любви, которая, она была в этом абсолютно уверена, где-то обязательно ждет ее в этом огромном мире. Только надо суметь отыскать ее.

– И вы думаете, она действительно нашла ее со своим шейхом? – спросила тогда Вита.

– На поиски ушло немало времени, – с улыбкой заметил Бевил, – но она не теряла его даром и наслаждалась теми волнующими встречами, которые происходили в ее жизни, прежде чем, в конце концов, леди Джейн не достигла Востока и не нашла человека, которого теперь называет не иначе, как «мой дорогой и обожаемый супруг».

– Расскажите мне о тех ее романах, которые кончались неудачно, – попросила Вита.

Но Бевил только покачал головой.

– Ты слишком молода и чересчур любопытна. Если твои отец или мать узнают, что я хотя бы просто упомянул о Джейн в твоём присутствии, меня больше не пустят на порог вашего дома.

– Но вы далеко не единственный, кто рассказывает о ней, – возразила Вита.

Это была правда, так что Вита могла вполне живо представить себе бурную жизнь кузины Джейн.

Среди родственников Виты было много таких, кто с большим удовольствием и даже злорадством рассказывал о том, как страдала и горевала кузина Джейн, когда её любовник, принц Феликс Шварценберг, бросил её. Это произошло почти сразу после того, как палата лордов дала согласие на её развод с лордом Элленборо.

Она осталась одна, с разбитым сердцем, с двумя маленькими детьми на руках, и вряд ли кто-нибудь менее сильный и волевой, чем Джейн, мог бы выдержать такой удар судьбы.

Однако совсем скоро все почтенное семейство было взбуроражено рассказами о том, что Джейн отправилась в Баварию и стала любовницей короля Людвига, с которым у неё начался весьма бурный и полностью выходящий за рамки приличия роман.

Король был очень образованным, обворожительным и несколько эксцентричным мужчиной, который славился тем, что совершенно не мог устоять перед очарованием прекрасных дам.

Итак, Джейн жила в Мюнхене и была абсолютно счастлива.

Именно король возбудил в ней любовь к живописи и скульптуре, а также пробудил интерес к культуре Греции, которая нашла своё воплощение, когда сын короля Людвига, Отто, стал королем греков.

Однако ещё до того, как это произошло, Джейн совершенно неожиданно вышла замуж за барона Карла-Теодора ван Виннингена, баварского вельможу и очень богатого человека.

Почему этот брак оказался неудачным, Вита так никогда и не узнала.

Письма Джейн к ее родственникам в Англии приходили нечасто и были не слишком откровенны.

Тем не менее они, к своему ужасу, каким-то образом вскоре узнали, что в нее безумно влюбился некий грек, по рассказам, необыкновенно привлекательный молодой человек, а именно граф Спиридон Теотоки.

Рассказывали о дуэли на пистолетах, в которой граф был тяжело ранен в грудь. Только стараниями самой Джейн, долгие дни и ночи ухаживавшей за ним, молодого графа удалось спасти. После того как он выздоровел, она сбежала с ним в Париж, вновь отказавшись от мужа, детей и достойной жизни в браке.

Последовал еще один громкий бракоразводный процесс, и чета Теотоки покинула Париж и переехала жить в свой новый дом на Корфу.

– Ну наконец-то она остепенится, – вздыхали с облегчением и каким-то ликованием тетушки и кузины Виты. – Остается только молиться за нее, чтобы она начала достойную жизнь.

Однако молитвы родственников, видимо, не достигли далекого острова Корфу.

Глядя сейчас на Неаполитанский залив, пронизанный удивительным, призрачным светом, не похожим ни на что виденное ею раньше, Вита спрашивала себя, уж не в красоте ли и не в самой ли атмосфере Средиземноморья есть что-то неуловимое, что действует, как возбуждающий, горячий напиток, заставивший Джейн после пятнадцати лет более-менее спокойной жизни вновь разорвать свой брак и искать новой любви.

Возможно, все дело было просто в неотразимой привлекательности и красоте короля Отто, у которого граф Спиридон был личным адъютантом, или, быть может, в самом древнем, первобытном духе, царящем здесь, который делал Грецию такой не похожей на другие страны мира, где Джейн довелось побывать.

Вита вполне могла понять ее увлечение молодым королем, охваченным романтическим чувством, которое вспыхнуло на этой удивительной древней земле. Ведь здесь, казалось, даже дикие скалы запечатлели в себе сказания о былых подвигах и любви богов и героев.

Но произошло то, что случалось уже не раз. Даже сам король не смог дать ей ту любовь, которой она жаждала.

И вновь среди родственников начались разговоры и перешептывания. И снова Вита внимательно прислушивалась, так как они старались говорить очень осторожно, чтобы девичьих ушей ни в коем случае не достигли известия об албанском генерале.

– Она сказала, – сообщила страшным шепотом одна из тетушек, – что он восхитительный мужчина, высокий, красивый, и в свои шестьдесят лет обладает таким обаянием и привлекательностью, каким редко кто может похвастаться даже в тридцать!

Вита услышала, как внезапно тетушка преувеличенно тяжело вздохнула, и представила себе, как сплетничающие дамы поджимают губы с видом крайнего неодобрения. В то же время она знала, как ярко сверкают от возбуждения их глаза, настолько сладким им кажется запретный плод. Впрочем, они едва ли могли в этом сознаться даже самим себе.

– Джейн просто на нем помешалась! Вы подумайте, они живут вместе в горах, вместе скачут на диких полуобъезженных лошадях почти весь день, затем ночуют в походном лагере, вокруг которого бродят шайки разбойников... да, да, разбойников и бандитов!

– Она, действительно, должно быть, сошла с ума!

– Как отвратительно! Как недостойно! Она позорит свою семью! Мы не должны больше никогда говорить о ней! И даже упоминать ее имя!

Но Вита прекрасно знала, что их неодобрение и возмущение – это всего лишь слова.

В действительности они желали знать о Джейн все, они не могли не говорить о ней, и еще больше, чем когда-либо, им хотелось все знать о ее шокирующем поведении, о ее безумных диких романах, о ее удивительной жизни, непонятной им, но оттого еще более завораживающей. В сравнении с ее жизнью, полной необыкновенных романтических приключений, их жизнь казалась бесцветной и скучной.

Некий французский писатель, друг одного из членов этого большого семейства, невольно способствовал распространению скандальных слухов о Джейн, после того как встретил ее в Париже.

Он искренне восхищался этой удивительной женщиной и, покоренный ее ошеломляющей красотой, прислал домой послание в самых восторженных выражениях, описывая ее великолепную фигуру, золотисто-каштановые волосы, маленькие аристократические руки и ноги, огромные синие глаза.

«Ее молочно-белая кожа подобна лепесткам белой лилии, что так свойственно англичанкам, – писал он. – Она краснеет от малейшего волнения, но, несмотря на ее сдержанность, вы понимаете, что под этой чуть холодноватой с виду оболочкой бушуют страсти, и это привлекает вас еще более, а порой сводит с ума».

Подобное описание казалось просто шокирующим, особенно если учесть, что оно было сделано посторонним человеком, но Вите оно помогло явственно представить себе кузину. Кроме того, она знала, что, если бы Джейн наконец обрела счастье со своим албанским генералом, для нее это было бы великолепным окончанием такой увлекательной сказки, которую представляла собой вся ее жизнь.

Однако вскоре до Англии дошли вести, что Джейн покинула своего очередного любовника.

Как и многие мужчины до него, генерал разочаровал ее, и в который уже раз она внезапно обнаружила, что ее сердце разбито, а любовь прошла.

И вот в сорок шесть она направилась в Сирию.

Здесь, как знала Вита, Джейн нашла ту единственную, настоящую любовь, которую искала всю свою жизнь.

«Больше всего, – говорила себе Вита, – мне хочется спросить кузину Джейн: неужели эта вновь обретенная любовь стоила всех пережитых мук, встреч и разочарований, всех этих разбитых сердец».

Вита старалась четче сформулировать мучившие ее вопросы, которые она хотела задать кузине Джейн.

«Если бы Джейн встретила своего шейха в то время, когда ей было столько же лет, сколько и мне, захотела бы она встречаться с другими мужчинами, или же она так навсегда и осталась бы с ним одним?»

Это был вопрос, на который, как понимала Вита, могла ей дать ответ только сама Джейн. И, возможно, именно поэтому с такой настойчивостью и упорством, в которых ее отец мог бы безошибочно узнать свои собственные черты характера, девушка стремилась в Сирию.

И судьба, казалось, была с ней заодно.

Еще до того, как они прибыли в Неаполь, леди Кроун заболела. Возможно, причина заключалась в довольно бурном путешествии через Бискайский залив или в непривычной пище, а может быть, как предположила Вита, леди Кроун была просто слишком стара, чтобы отправляться в долгое путешествие.

Так или иначе, но, когда они достигли порта, пожилую даму перевезли с корабля и доставили в лучший отель в Неаполе, где сразу уложили в постель.

Апартаменты, которые подготовили к их приезду по заказу Эдуарда Девенпорта, были очень удобными и просторными, и Вита без малейших угрызений совести оставила заболевшую леди Кроун на попечение своей Марты, а сама отправилась гулять по городу в сопровождении Девенпорта.

Девушка не только живо интересовалась всем увиденным, ей еще было необходимо определиться и решить, как действовать дальше.

Вита была не только очень умна, но и настойчива в достижении своей цели, особенно когда дело касалось таких важных вещей, как ее собственная судьба. Ей не стоило никакого труда убедить мистера Девенпорта, после того как они совершили весьма обстоятельное путешествие по городу, что ей необходимо вернуться в гостиницу – к больной леди Кроун.

В действительности же она, едва добравшись до гостиницы, немедленно выскользнула через черный ход и наняла экипаж до ближайшей транспортной конторы.

Служащий конторы, черноволосый, темпераментный итальянец, потрясенный появлением в их скромном офисе такой изумительной красавицы, был готов на все, что угодно, лишь бы иметь счастье услужить ей.

Он сразу же сообщил девушке все, что она хотела знать.

Да, действительно, практически каждый день из Неаполя отплывают корабли, и у многих из них порт назначения – Бейрут.

Да, конечно, для синьорины несложно будет нанять надежного проводника, который не только хорошо знает Сирию, но и также сносно говорит по-арабски.

Вита обо всем договорилась с черноглазым Ромео, не сводящим с нее жгучего, восхищенного взгляда. Он посоветовал ей заказать место на самом комфортабельном пароходе, который отправляется следующим утром, и заверил ее, что судно наилучшим образом подходит для такой красавицы.

Попросив Виту немного подождать, молодой человек с видом фокусника, вытаскивающего из шляпы кролика, представил ей обещанного сопровождающего. Вита нашла, что тот действительно очень приятный, обходительный человек, отличающийся теми качествами, которые были ей необходимы в этом непростом путешествии.

Поговорив с проводником, она тут же приняла решение, что, прежде чем достигнет берегов Сирии, попытается хотя бы немного выучить арабский, чтобы иметь возможность говорить и понимать самые основные вещи.

Ей было досадно думать, что, хотя она совсем неплохо знала четыре языка, по-арабски не могла сказать ни единого слова, а ведь именно этот язык был необходим ей, чтобы осуществить свои далеко идущие планы.

В конце концов, как Вита уже успела узнать, от Бейрута до Дамаска было целых семьдесят две мили.

Девушке предстоял долгий, опасный путь, и ей было абсолютно необходимо иметь рядом с собой кого-то, кто не только бы постарался обеспечить безопасность юной путешественницы в случае возможного нападения мародерствующих на дорогах банд разбойников, но и смог найти выносливых лошадей, запастись нужным количеством пищи и воды.

Проводник сказал, что его зовут Дайри и что он сам наполовину араб.

Синьор Дайри показался девушке сносно образованным, и хотя она не могла судить, хорош или плох был его арабский, он, во всяком случае, говорил на нем довольно бегло.

Она объяснила ему, что ее желание – добраться до Дамаска, чтобы найти свою кузину, достопочтенную Джейн Дигби эль-Мезраб, и отметила, что ее слова произвели на ее собеседника весьма сильное впечатление.

– Эта дама очень хорошо там известна, – заметил он, – и очень уважаема. Ее лошади не имеют себе равных!

Вите даже показалось, что она уловила нотку благоговейного почтения в его голосе, и тут же Вита вспомнила, что кузина Джейн была очень богата, что, несомненно, весьма высоко ценится среди арабов в Дамаске, как, впрочем, и во всем остальном мире.

Она договорилась с синьором Дайри встретиться завтра на корабле в семь часов. Затем заплатила клерку названную им сумму за билеты и поспешила обратно в гостиницу.

Итак, она сделала первый шаг к своему великому приключению! Однако ей еще многое предстояло подготовить перед отъездом.

Прежде всего нужно было достать денег.

У Виты с собой была только кое-какая мелочь на карманные расходы, а основная сумма на их путешествие находилась, для пущей надежности, в руках мистера Девенпорта.

Еще раньше, обдумывая эту непростую ситуацию, Вита решила, что должна продать свои драгоценности, которые взяла с собой именно для этой цели.

Конечно, это было для нее совсем непростым делом и могло вызвать ненужные и весьма щекотливые вопросы, однако у нее не было другого выхода.

Наконец Вита решилась спросить у портье отеля, не сможет ли кто-нибудь из его служащих отвезти ее к самому лучшему ювелиру Неаполя.

Портье, казалось, был весьма удивлен подобной просьбой.

– Синьор Девенпорт сейчас поднялся к себе в номер, синьорина. Если вам необходим провожатый, то почему бы не обратиться к нему?

– Ах, нет, он очень устал. Для него сегодня выдался долгий, тяжелый день. А кроме того, я бы хотела сделать им обоим сюрприз, ему и виконтессе, которая, как вам известно, немного нездорова.

Это портье понял мгновенно.

Обманутый ее по-детски наивным выражением и невинным взглядом огромных голубых глаз, он отправил Виту в наемном экипаже с одним из своих служащих к ювелиру, который, как он заверил девушку, слыл самым честным во всей Италии.

Впрочем, на этот счет у Виты сложилось свое собственное мнение. Правда, она нашла его чрезвычайно любезным.

Служащий магазина ввел ее в заднюю комнату, где она смогла спокойно поговорить с хозяином. Девушка объяснила, что она хотела бы помочь своему дорогому другу, виконтессе, предоставив в ее распоряжение некоторую сумму денег для ее бедного сына. Молодой человек оказался в весьма

затруднительном положении. Он проиграл значительную сумму в карты и теперь должен вернуть долг чести одному очень суровому джентльмену.

– Но если только леди Кроун узнает, что для того, чтобы достать эти деньги, мне придется продать свои драгоценности, она никогда не позволит мне сделать это, – объясняла Вита своим ангельским голоском. – Вот почему я должна все сделать втайне от нее. После того, как я отдам деньги, будет уже слишком поздно отказываться от моей помощи.

– Но я могу быть вполне уверен, что эти драгоценности ваши, синьорина? – с подозрением глядя на нее, спросил ювелир.

Впрочем, он вскоре отбросил сомнения, не в силах устоять перед умоляющим взглядом этих честных, прекрасных глаз. К тому же он был тронут теплотой, с которой Вита поведала ему о своем желании помочь бедному молодому человеку и его охваченной отчаянием матери.

– По счастью, я богата, синьор, уверяю вас, – сказала она в заключение, – и я не могу оказаться столь бессердечной, чтобы спокойно смотреть на страдания моего лучшего друга.

– Ваша доброта, синьорина, делает вам честь, – наконец сказал ювелир.

Вита ощутила, что краска стыда заливает ей щеки, но она не стала спорить с ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/barbara-kartlend/cvetok-pustyni/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или

Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Один из самых роскошных районов Лондона (прим. пер.).

Купить: <https://tellnovel.com/ru/barbara-kartlend/cvetok-pustyni-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)